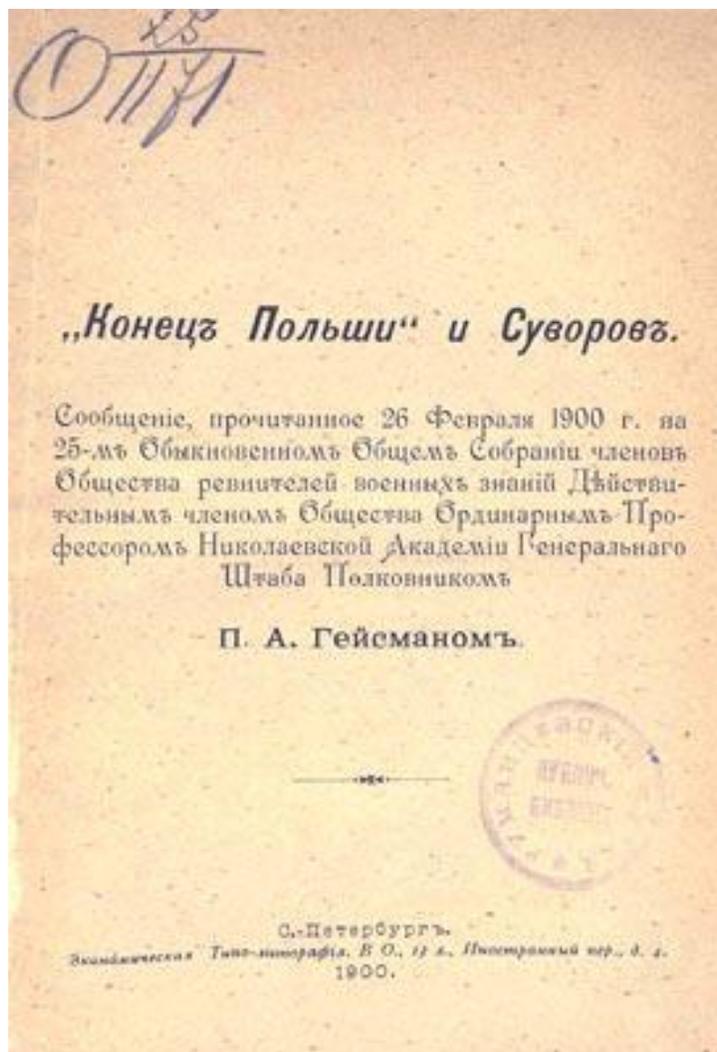

«Конец Польши» и Суворов.

Сообщение, прочитанное 26 Февраля 1900 г. на 25-м обыкновенном Общем Собрании членов Общества ревнителей военных знаний Действительным членом Общества Ординарным Профессором Николаевской Академии Генерального Штаба

Полковником П. А. Гейсманом.

С.-Петербург.

Экономическая Типо-литографія. В. О., 13 л., Иностранный пер., д. 4.

1900.

Оглавление

Вступление.	3
I. Что такое представляла из себя известная в истории «Польша», как государство?	3
II. Отношения Польши к другим государствам.	8
III. Отношения Польши и России до вступления на престол Императрицы Екатерины II.	8
IV. Программа Екатерины II.	11
V. 1-я Польская (конфедератская) война 1768 — 1772 гг. Участие в ней Суворова.	12
VI. 2-я польская война Императрицы Екатерины II 1792 года.	15
VII. 3-я польская война Императрицы Екатерины II 1794 года. Участие в ней Суворова.	16
VIII. Заключительные выводы.	21

Вступление.

[3] В ноябре 1863 г., по поводу протеста князя А. А. Суворова против чествования выдающегося деятеля по довершению объединения России, поэт Ф. И. Тютчев обратился к нему с следующим стихотворением:

«Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя народу своему;

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе
И бедное замученное племя.
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?

Кто избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
На зло врагам, их лжи и озлоблению,
На зло увы! и пошlostям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

[4] В этом стихотворении поэт замечательно верно схватил самую сущность исследуемого нами вопроса и отметил разногласие в отношении его понимания, существовавшее среди русских людей, как в XVIII столетии, так и в течение всего XIX века.

Где же ключ к уразумению истины, как не в истории?

Для разъяснения всего поставленного мною вопроса необходимо ответить на ниже поставленные частные вопросы и этим путем выяснить, какое место должно быть отведено Суворову в ряду тех русских людей, общими усилиями которых Польша была уничтожена.

I. Что такое представляла из себя известная в истории «Польша», как государство?

В IX веке западных славян теснили грозные и неутомимые враги, те самые, которые распространяли среди их железом и кровью учение, основанное на кротости и любви к ближнему. Это и вызвало образование небольшого польского государства, обнимавшего земли по средней Одре с Вартою и по средней Висле, с центром тяжести в нынешней познанской области (*Гнезно*). В конце X века поляки принимают христианство и подчиняются влиянию Запада, т. е. немцев и Рима.

Болеслав I Храбрый (992 — 1025) бьет немцев, становится независимым королем Польши, раздвигает ее пределы и пытается образовать славянскую империю, как противовес империи римско-германской; но его преемники не в силах продолжать его дело и Польше приходится лишь отстаивать свое самобытное существование.

[5] При Болеславе I польский народ уже разделен на вполне свободных землевладельцев — *шляхту* и

лично свободных, но податных *кметов*, не считая крепостных, вернее *рабов*. Шляхта — многочисленное ядро народа, преимущественно вооруженная, воинская его часть; она обязана военной службою по отношению к королю; это и ее обязанность, и ее право. Военная служба становится ремеслом и принадлежностью благородного класса общества.

Королевская власть и после Болеслава I была еще сильна, но шляхта и выделявшиеся из ее среды *магнаты* пользовались всеми удобными случаями для увеличения своих прав и преимуществ в ущерб верховной власти. Это и явилось первою причиною слабости Польши; второю же ее причиною была утвердившаяся в Польше в первой половине XII века удельная система.

Вследствие этой-слабости Польша не могла отстоять своих западных родичей против немцев, потеряла свою собственную область, Силезию, отошедшую к германской империи, и не могла справиться даже с *пруссави*. Один из князей Мазовии, Конрад призвал на помощь против них *тевтонский орден*, который, при его содействии, утвердился в Пруссии, а затем начал захватывать и польские земли.

Польша была окружена со всех сторон врагами: с С. и З. немцами, с Ю.-З. чехами, с Ю. венграми с Ю.-В. и В. русскими и литовцами. Около половины XIII века ее разгромили монголы. Ей угрожала гибель. Кое-как она спаслась от этой гибели благодаря *Владиславу Локотку* (1306 — 1333), который объединил уцелевшие еще от поплзновений соседей польские земли.

[6] *Казимир III Великий* (1333 — 1370), воспользовавшись пресечением галицкой линии дома Рюриковичей, присоединил к Польше русское галицкое княжество. Таким образом поляки начали «насаждать культуру» на русской почве, среди русского народа и на погибель этому народу. Это их историки и считают «миссиею польского народа на востоке».

Казимир III был последний Пяст королевской линии. Поляки устранили от престола удельных Пястов и передали корону племяннику Казимира III по женской линии *Людovicу Венгерскому* (1370 — 1382), но за то заставили его увеличить права магнатов и шляхты на столько, что с тех пор король не мог направлять государственные дела без их участия.

В 1386 г. магнаты заставили дочь Людовика, королеву *Ядвигу* выйти замуж за Ягайлу (Ягелло) Ольгердовича, великого князя литовского и русского. Объясняется это тем, что хотя Литва и враждовала с Польшею, но являлась для нее наилучшим союзником в борьбе против общего врага, тевтонского ордена. Литве угрожал сверх того и другой, немецкий же орден *меченосцев*, утвердившийся у устьев Западной Двины. Соединенные силы обоих орденов, подкрепляемые приливом рыцарства главным образом из Германии, угрожали самому существованию Литвы (под предлогом обращения в христианство). Но во главе Литвы, в первой половине XIV века, стал талантливый князь Гедимин. Он объединил Литву, присоединил к ней княжества волынское, киевское и черниговское и некоторые другие русские земли, принял титул *великого князя литовского и [7] русского* и образовал сильное государство, в котором литовцы преобладали, как победители, а численное и культурное преобладание принадлежало русским. Сын его Ольгерд (1341 — 1377) расширил пределы этого государства, обнимавшего при нем всю Белую, Черную, и даже часть Великой Руси. Это было государство почти русское, мало отличавшееся от московского. Естественно, между обоими русскими государствами возникла борьба, которая должна была окончиться подчинением одного из них другому, т.е. объединением всей Руси.

К этому и стремились даровитейшие из великих князей, как Московской, так и Литовской Руси, а в их числе и Ольгерд Гедиминович, женатый на русской княжне и тайно принявший православную веру. Но не так понимал этот вопрос сын его Ягайло (1377 — 1434). Он не мог справиться ни с немецкими орденами, ни с подручными удельными князьями, и искал опоры. Брак с польскою королевою давал ему эту опору и блеск королевской короны. Его не останавливала необходимость принятия католичества. Он надеялся, что оно даст ему покровительство папы и остановит немцев. Наконец совместная борьба Польши и Литвы против тевтонского ордена должна была быть более успешною, чем отдельные их действия. Поэтому Ягайло и крестился вторично¹, женился на Ядвиге, сделался польским королем, обратил [8] литовцев в католичество и положил начало соединения Литвы и Руси с Польшею. Первоначально это соединение было слабо и не прочно, но, с течением времени, оно все более и более укреплялось и упрочилось окончательно «Люблинскою униєю» 1569 года.

Образовавшееся этим путем *польско-литовско-русское* государство явилось могущественнейшею державою в восточной Европе. На него выпадала задача объединить славянский мир и создать противовес, как германской империи, так и угрожавшей всей Европе турецкой монархии. Но оно было не в силах решить эту задачу.

Препятствовала тому слабость его государственного и военного устройства, которую Польша привила Литве с Западною Русью, тщательно вытравив из них чуть ли не все устои государственного порядка и общественной дисциплины, а равно и почти все особенности национального военного устройства.

При вступлении на польский престол Ягайлы под именем *Владислава II* (1386 — 1434) король не мог уже приказывать шляхте следовать под его знаменами, но должен был ее просить. Закрепощение народа, вторжение с запада феодальных понятий и столкновения с народами, имевшими сильную конницу, привели к преобладанию этого рода оружия и в Польше.

Шляхетская конница вела бой подобно феодальным войскам Западной Европы. Своею отвагою и стремительностью атак она решала нередко участь сражений и приобрела громкую славу. Но эти блестящие успехи приносили мало пользы, так как конница [9] эта долго на службе не оставалась, а короли не имели средств для того, чтобы содержать в достаточном числе наемные войска. К концу XIV века военное устройство Польши приняло почти такой же односторонний характер, какой до того времени господствовал в Западной Европе, и при этом, отжившем свое время, военном устройстве, с некоторыми лишь дополнениями и изменениями, Польша оставалась и в новые века, т. е. в то время, когда Западная Европа двинулась вперед. Отсюда — отсталость Польши в военном отношении.

Тем не менее соединение Польши с Литвою и Русью, на первых порах, дало себе чувствовать немцам. В 1410 г. Ягайло и двоюродный брат его *Витовт*, великий князь литовский и русский, сосредоточив не менее 100,000 (по максимальному определению 163,000) чел., раздавили значительно слабейшие войска ордена в сражении при *Грюнвальде* и *Танненберге*, а сын Ягайлы *Казимир II* (1447 — 1492) довершил их дело и возвратил от ордена захваченные им польские земли, присоединив также западную Пруссию и часть Поморья; при этом орден признал вассальную зависимость от Польши и сохранил за собою лишь восточную Пруссию, преобразовавшуюся, в 1525 году, в вассальное же по отношению к Польше *прусское* герцогство.

Наступлению немцев на восток был положен предел. Польша выполнила часть упомянутой исторической задачи, но здесь она этим и ограничилась.

Кое-что она сделала и на южном фронте, задерживая распространение могущества турок и т.п.; но, в общем, [10] заслуги ее не особенно велики. — Зато громадны ее грехи, как представительницы славянского мира.

В XV веке Русь Московская, стряхнув с себя иго татар, вступила на путь самостоятельного развития. Но ей пришлось потратить много времени и усилия, чтобы устранить все преграды в этом направлении, а в ряду этих преград наиболее роковою была та китайская стена, которую воздвигла между нею и Европою славянская Польша, основавшая свою политическую программу на систематическом братоубийстве. Отступив на западе пред немцами и отдав им западных славян от Лабы и далеко за Одру, она распространялась на восток на счет русских и, в общем, изменила славянскому знамени, правда, под давлением неблагоприятных обстоятельств (культурной слабости и внутренних неустойчивости).

Таким образом Польша сыграла *отрицательную* роль в истории славянского мира, равно как и в истории развития военного искусства в восточной Европе, в смысле приостановки и даже извращения естественного хода его развития.

Но, вредя другим, Польша вредила и себе. Ягайловичи (Ягеллоны) принесли ей, правда, в жертву свое наследственное государство, но зато образовали польско-литовско-русское государство, в котором русские составляли около половины, а поляки с литовцами только 2/5 всего населения, т. е. господствовавшая народность уступала в численном отношении народности, все более и более угнетаемой и имевшей миллионы братьев по крови в Руси Московской и десятки миллионов [11] единоверцев в разных православных землях. Естественно, русские подданные польского короля находили поддержку у тех и других. Хотя эта поддержка и была слаба, но все же она способствовала сохранению в западной Руси народности русской и веры православной. Поляки, руководимые иезуитами, успели, правда, ополячить и окатоличить почти все западно-русское дворянство и совратить в унию часть западно-русского народа. Тем не менее этот русский народ жил и одно его существование представляло источник неизлечимой болезни польского государственного организма, который должен был неминуемо разложиться тем более, что, после соединения Польши с Литвою и Русью, короли лишились вскоре даже и тени власти и авторитета.

Верховная власть в «Речи Посполитой» принадлежала избираемому пожизненно *королю*, *сенату* (из высших сановников) и *сейму* (из представителей дворянства отдельных воеводств и земель). Сейм имел значение не то общегосударственного представительного собрания, не то международного конгресса, который был бессилен по отношению к областным сеймикам подобно тому, как в средние века сюзерен был бессилен по отношению к своим вассалам. Мало того, Польша, с ее исключительно шляхетским землевладением, с безграничною свободою шляхты, с рабством крестьян, с городами, едва влачившими свое жалкое существование, с жидами, высасывавшими последние соки из народа и т. н., — эта Польша напоминала самые худшие времена феодализма.

Что же делал однако пресловутый сейм? Сначала [13] он приносил еще некоторую пользу, а затем, начиная с XVII века, один только вред. Решение могло быть постановлено только при условии *единогласия*, добиться которого было почти невозможно. Каждый «посол» мог парализовать волю короля, сената и всех

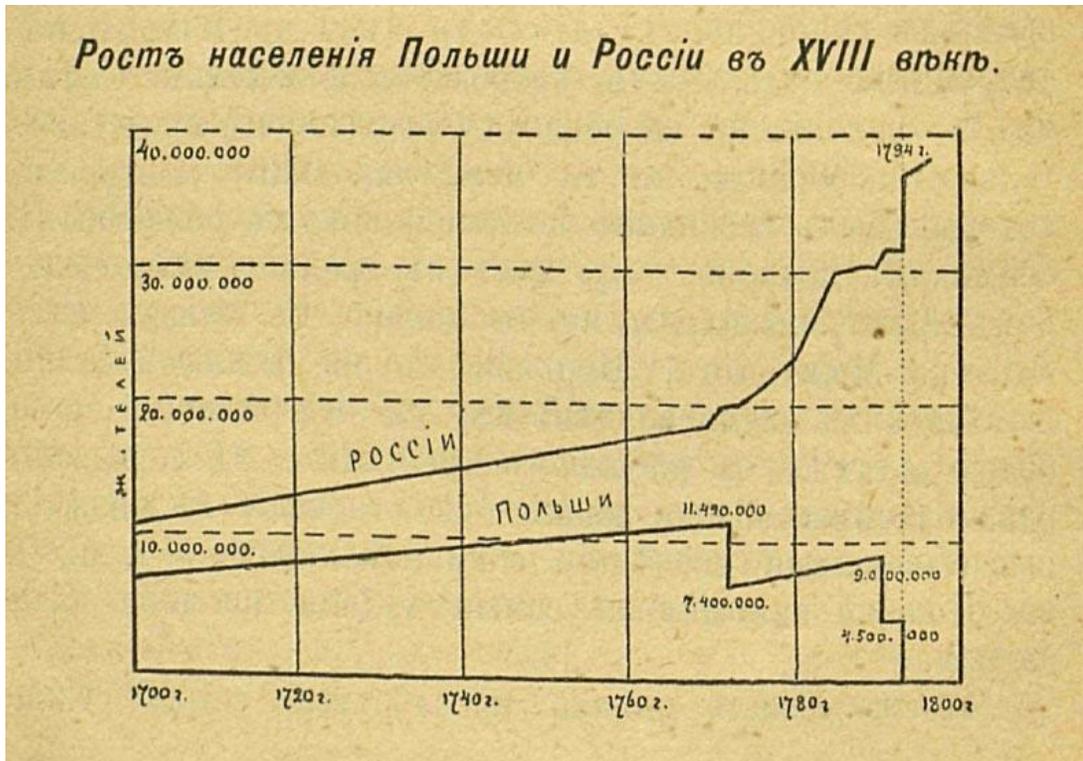
своих товарищей, закричав „*veio*» (не позволяю), т. е. мог «сорвать» сейм. Обыкновенно сеймы и срывались, а без них король и сенаторы не могли принять важных решений и занимались лишь мелкими вопросами политики и управления. Таким образом в Польше недоставало оздоравливающего фактора, правительства (в истинном смысле этого слова), которое могло бы совокупить около себя разрозненные общественные силы и придать им единое направление. В основе устройства Речи Посполитой коренились беспорядок и анархия, достигшие такой степени развития, далее которой идти было невозможно.

[12]

Рост вооруженных сил Польши и России в XVIII веке.

Рост населения Польши и России в XVIII веке.

Сами поляки дали отличную характеристику этого состояния своего отечества известною поговоркою: «*Польша живет безнарядьем*».

Численность армии, в первой половине XVIII века, не превышала 10 — 11.000 чел. С войсками магнатов и шляхетским ополчением вооруженные силы Польши могли бы дойти до 60.000 и даже до 100.000 чел., но ни один король не мог рассчитывать на то, чтобы магнаты отдали ему свои войска и чтобы шляхта согласилась нести военную службу. Мало того, при вторжении врага, большая или меньшая часть шляхты и магнатов могла стать на сторону неприятеля, а на народные массы нельзя было вовсе рассчитывать.

Существенное упорядочение польского государственного [14] организма было невозможно. Это был *безнадежно больной человек*, который не имел средств, чтобы попытаться понравиться посредством надлежащего лечения. и, в то же время, не имел сил, чтобы выдержать подобное лечение! Остается удивляться лишь тому, как он мог жить, как он существовал!

¹ По католическому обряду. Польские историки замалчивают первое его крещение по православному обряду, при котором он был наречен Яковом.

II. Отношения Польши к другим государствам.

Отказавшись от роли, приличествовавшей могущественнейшей славянской державе, и приняв на себя «миссию насаждения культуры» на русской почве и среди русского народа, Польша превратилась в авангард романо-германского мира, но, не смотря на это, не могла ждать от него пощады.

Наиболее опасным и неумолимым врагом Польши была Пруссия, которая унаследовала от тевтонского ордена борьбу с Польшею, вытекавшую из самого способа образования этого ордена на счет жизненных интересов Польши. При соединении герцогства Пруссии с Брандербургиею в одну монархию польские владения по нижней Висле мешали слиянию двух главных частей этого государства в одно целое. Польша являлась оплотом католицизма, тогда как Пруссия подняла знамя протестантизма; отсюда — борьба. Наконец, слабость Польши была опасна для Пруссии, так как создавала для России благоприятные условия на случай борьбы ее с Пруссией. Поэтому Пруссия стремилась к раздроблению Польши с возможно большими выгодами для себя. Это втягивало сюда же и Австрию, ревниво следившую за усилением Пруссии и повсюду [15] старавшуюся получить какое-нибудь территориальное приращение.

Остальные Европейские державы и Турция относились к Польше частью безразлично, частью дружелюбно.

Однако и последние (не исключая даже Франции), не могли оказать ей действительной помощи; для соседей же она представляла поприще удобное для утверждения своего влияния или как бы обширный постоянный двор, в котором мог остановиться и хозяйничать всяк, кто обладал необходимою для этого силою.

Таким образом Польша не внушала к себе в Европе уважения, а славянскому миру приходилось относиться к ней, как к тому сыну, о котором сказано в известной притче, но только едва ли он возвратится когда-либо в дом отца.

III. Отношения Польши и России до вступления на престол Императрицы Екатерины II.

Распространение поляков на восток, принимая, с течением времени, все более и более решительный характер, вызвало непримиримую вражду между обеими сторонами. Русь не могла не чувствовать, что Польша отхватывает чуть ли не целую ее половину.

Иоанн III Великий (1462 — 1505) ясно понимал необходимость устранить сильнейшую преграду на пути развития Руси Московской, каковою была Польша. Вместе с тем, как преемник Владимира Св. Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Александра Невского, Иоанна Калиты и Дмитрия Донского, как «Государь

[16] всея Руси», высоко державший русское православное знамя, он стремился к возвращению захваченных Литвою и Польшею русских земель.

Отправляя послов к внукам Ягайлы королям Владиславу Чешскому и Александру Польскому, он велит сказать им следующее «*ино ведомо самим королем Владиславу и Александру, что они вотчины Польского Королевства да Литовские земли, а русская земля, от наших предков, из старины, наша отчина*». Он ведет войны с Литвою и Польшею и заключает союз против них с крымским ханом Менгли-Гиреем, причем не находит возможным заключить мир, а только перемирие «того ддя, чтобы... те города укрепить, которые... взят». Иоанн III и начинает многовековую борьбу за объединение Руси.

Политику его продолжили сын Василий III (1505 — 1533) и внук Иоанн Грозный (1583 — 1584).

Во время междуцарствий в Польше сильная партия хотела избрать в короли сначала царя Грозного, а затем Феодора Иоанновича (1584 — 1598), но оба они не соглашались перейти в католичество и требовали первенства для Московского государства, Их не прельщало кажущееся величие, сопряженное с занятием польского престола и требовавшее признания главенства еретика римского папы и унижения родной Москвы. Они стремились лишь к возвращению от Польши русских земель. Но московское государство было еще слабо для выполнения этой задачи.

Настало смутное время. В лице Сигизмунда III и Владислава католицизм и Польша посягали на православную [17] веру и независимость даже и Великой России, которой готовилась участь, постигшая уже Русь Червонную, Черную, Белую и Малую. Но выработавшая прочную государственную организацию Русь Великая восстала против латинско-польских притязаний, отвергла Сигизмунда и Владислава, призвала на царство Михаила Феодоровича Романова (1613 — 1645) и изгнала поляков из своих пределов. Ослабев, однако, в тяжелой борьбе, Русь Великая должна была уступить Польше «Смоленск... Рославль... Чернигов, Стародуб» и т.д. (по вечному миру 1634 года). Во всяком случае наступательному движению Польши на восток был положен предел. С этих пор Русь Великая крепнет и вскоре возобновляет обратное движение на запад, с целью возвращения западно русских земель.

«Вечный мир» продолжался только 20 лет. Русь Малая не могла примириться с польским игом и гнетом и восстала против «ляхов». Казаки и народ малороссийский произвели жестокую резню, били поляков и в боях, но сами освободиться не могли. В 1654 году, на раде в Переяславле, гетман Богдан Хмельницкий спросил собравшихся старшину, казаков и весь народ малороссийский, кого хотят выбрать в государя: турецкого ли султана, или крымского хана, или польского Короля, или православного Великой России Государя?... Султан и хан бусурмане. «Об утеснениях от польских панов сами знаете, что лучше жиди и пса нежели христианина, брата нашего почитали. А православный великий государь... единого с нами благочестия... единого мы тело церковное с [18] православием Великой России... кроме его царской высокой руки благодатишайшего пристанища не обрящем»... Тогда все завопили: «*Волим под царя Восточного православного!*»...

Так отдалась царю *Алексею Михайловичу* (1645 — 1676) Русь Малая, а Русь Белую и Черную с частью Литвы завоевал он сам, начав тогда же войну за объединение Руси. Войска царские и малороссийские дошли до линии Ковна — Гродна — Люблин — Львов. Между тем и шведский король Карл X Густав объявил Польше войну и овладел почти всеми остальными ее областями.

Возник *проект раздела Польши*. Если он не был осуществлен тогда же, то этим поляки обязаны России, которая позволила им сосредоточить их силы против Шведов. Затем, заключив мир с Швецией, поляки обратились против России. Война затянулась до 1667 года, когда было заключено Андрусовское перемирие и только в 1686 году поляки добились заключения нового «вечного мира», но которому за Россию остались земли по левому берегу Днепра с Киевом и Смоленском.

Столь незначительные результаты всех усилий Руси Московской в этом направлении были следствием уклонения от программы Иоанна III, которое объясняется слабостью России в военном отношении, а также слабостью оценки нашими дипломатами XVII века тогдашней политической обстановки, нежеланием или неумением воспользоваться удобным случаем для сведения счетов с Польшею и т. п.

Удержать всю Речь Посполитую в руках России [19] было невозможно. Оставалось вступить в соглашение с другими державами о *разделе* Польши, или не упускать удобных случаев для возвращения от нее западно-русских земель. Московские дипломаты при царе Алексее Михайловиче прельстились перспективою избрания цари в польские короли, а при царевне Софии слишком легко согласились на заключение «вечного мира». Впрочем это в значительной степени объясняется сложностью тогдашней политической обстановки. Турки угрожали столице германских императоров, Вене. Явилась мысль о *священном союзе* христиан против турок. Император и польский король постарались привлечь к этому союзу и Россию. Это и привело к «вечному миру» 1686 года. Поляки были им недовольны, но он был выгоден именно для Польши, которая могла продолжать колонизацию и латинизацию западной Руси.

При *Петре Великом* (1689 — 1725) Россия стала налегать уже на всю Польшу и ставить ее от себя в зависимость. Первоначально царь предполагал пользоваться силами Польши и короля Августа II в борьбе

против Швеции. Увидев затем, что от них нельзя ожидать такой помощи, какая была ему нужна, он стал смотреть на Польшу, как на источник средств для продовольствования русских войск, которые проходили через нее или останавливались на ее территории. Это вызывало среди поляков неудовольствие. Нужно было поддерживать возможно лучшие отношения с Польшею и не допускать ее до союза, ни с европейскими державами, ни с Турциею. Нельзя было также допускать и превращения ее в наследственное государство. Польша [20] должна была оставаться слабою до тех пор, пока не настанет выгодная политическая обстановка, при которой можно будет покончить с нею. Но этого не случилось до самой смерти Петра I.

При таких условиях царь старался сохранить за собою возможно большее влияние на Польшу, а в ней сохранить ее беспорядочное государственное устройство, при котором она не могла быть опасным соседом, поэтому он явился посредником между Августом II и восставшею против него Тарноградскою «конфедерациею»¹ и приобрел значение как бы покровителя Польши.

В тоже время царь считал, что Россия не может отказываться от покровительства «дизунитам», т. е. православным русским подданным Речи Посполитой и неоднократно за них вступался. Но это заступничество не могло быть достаточно сильным, а потому поляки, уразумев, что Россия им ничем серьёзным не угрожала, именно в это время стали особенно усиленно и с заметным успехом проводить колонизацию и латинизацию западной Руси.

При ближайших преемниках Петра I, в общем продолжалась та же политика, невзирая на то, что обстановка изменялась в пользу России. Не обходились при этом без колебаний; не всегда ясно понималась цель, к которой нужно было стремиться: это [21] влекло за собою недостаток энергии в одних случаях, излишек ее в других и разные погрешности в тех и других. После смерти Августа II, главным образом благодаря России, был посажен на польский престол сын его — Август III (1733 — 1763). Новый король, отстраняя от себя политические занятия и предоставляя их фаворитам, заботился исключительно о материальных удобствах и разных удовольствиях, прерывая их по временам исполнением религиозных обрядов. Конечно, не при таком короле могла воспрянуть Польша и это было выгодно для России. Но еще выгоднее было бы, воспользовавшись каким-либо благоприятным моментом, заставить Польшу возвратить России если не все, то возможно большую часть западно-русских земель.

Пожалуй, это и было возможно, когда Фридрих Великий, король прусский поколебал политическую систему Европы, которая почти вся принимала участие в вызванных им войнах за австрийское наследство (1741 — 1748) и семилетней (1756 — 1763). Можно было войти в соглашение с одною из враждовавших сторон и обусловить свою помощь вознаграждением на счет Польши и т. п. Турция в то время не была уже так сильна и опасна, как при Петре I. В 1761 — 62 гг. Фридрих II для того, чтобы выйти из критического положения, в котором он находился, готов был совсем уступить России завоеванную ею Восточную Пруссию, лишь бы только ему было дано вознаграждение «с другой стороны». Можно было удержать за собою Восточную Пруссию, или же обменять ее с Польшею на ту или другую часть западной Руси. Но наши дипломаты, [22] как иностранцы, так и русские, воспитавшиеся под западно-европейским влиянием, были мало знакомы с историею России, не дошли еще до уразумения сущности программы Иоанна III, а с программой Петра I хотя и были знакомы, но поступали по ее букве, а не по духу, в ней заключавшемуся. Поэтому и были пропущены моменты, удобные для решения польского вопроса в пользу России до 1761 года, а затем Император Петр III не признал возможным воспользоваться критическим положением Фридриха II, возвратил ему наши завоевания, заключил с ним мир и вступил в переговоры о заключении союза.

2-й «сепаратный артикул» проекта союзного договора предусматривал совместное дипломатическое воздействие России и Пруссии на польское правительство, в видах облегчения положения притесняемых поляками «диссидентов», понимая под этим названием православных и протестантов.

Так как Россия не пользовалась затруднительным положением Пруссии, то избежать ее участия в решении польского вопроса было невозможно. При таких условиях соглашение с нею было наименьшим из зол, между которыми приходилось выбирать, так как и при этой комбинации Россия могла еще вознаградить себя за жертвы в пользу Пруссии на счет Польши.

Таково было положение дел в 1762 году, когда на престол всероссийский вступила Императрица Екатерина II, придавшая политике России вполне определенное направление.

¹ Так назывался военно-политический союз поляков, пользовавшихся гражданскою правоспособностью, образованный ими с целью охранения государственного устройства Речи Посполитой и своих прав и преимуществ.

IV. Программа Екатерины II.

[23] Программа Императрицы Екатерины II намечала ряд целей, из которых главное значение принадлежало улучшению положения России по отношению к Турции и к Польше. Но в начале царствования нужен был мир в виду неупроченности положения и необходимости заняться внутренними делами, что и замедляло исполнение указанных целей.

Тем не менее приходилось считаться с тем, что в Польше ожидалась вскоре смерть Августа III, которую в Петербурге признавали «термином польских дел», т. е. таким моментом, к наступлению которого следовало приготовиться.

Императрица тщательно изучала польский вопрос, но не могла не обращаться к помощи советников. В ряду их первое место (по отношению к внешним делам) занимал в то время *Н.И. Панин*, стоявший во главе коллегии иностранных дел и выделявшийся из массы современников умом и способностями. Однако любимую его мыслью было образование «северного союза», как противовеса союзу Бурбонских домов. В эту «политическую систему» включалась и Польша, в которой Панин полагал возможным удерживать прежний порядок вещей, а самую Польшу держать под нашим влиянием.

Таким образом Россия как бы возвращалась к программе Петра I. Однако это не помешало Панину пойти по следам таких елисаветинских дипломатов, как Кейзерлинг и Гросс, которые старались расположить русское правительство в пользу так называемой [24] «фамилии» или могущественной партии князей *Чарторыйских*, т. е. тех именно поляков, которые стремились к проведению внутренних реформ, к введению сильного правительства и вообще к возрождению Польши. Теперь и Панин, и Чарторыйские старались эксплуатировать друг друга, но Чарторыйским удалось убедить Панина в целесообразности допущения некоторого упорядочения Речи-Посполитой, что вовсе не вязалось с программой Петра I.

В Петербурге в преемники Августу III намечался кто-нибудь из «фамилии». Императрица отдала предпочтение Станиславу *Понятовскому* потому, что «из всех искателей он имел наименее шансов и следовательно наиболее должен был чувствовать благодарность к России».

Август III скончался осенью 1763 года. Представителям России в Варшаве, преждему, графу Кейзерлингу и новому, князю *Репнину* было поручено: добиться признания не признанного еще Польшею императорского титула русских государей, сделать сильнейшие представления в пользу православных подданных Речи Посполитой, заставить возратить захваченные поляками части русской территории и т. п.¹ и вообще упорядочить отношения к Польше, которая «*преступала все пределы благопристойности*».

Петербургский кабинет предполагал достичь желательного упорядочения отношений *исправлением границ и*, в то же время, ставил на очередь *диссидентский* [25] вопрос, т.е. намеревался заставить Польшу возратить равноправность православным и вообще христианам не-католикам.

Вступив на этот путь, русское правительство решило не вмешиваться более в войну Пруссии с Австриею. Это дало Фридриху Великому возможность вынудить Австрию к окончанию семилетней войны, упрочить положение Пруссии как великой державы, и со своей стороны обратиться против Польши, т.е. лишить Россию возможности решить Польский вопрос без его участия.

Фридрих отлично знал поляков и предвидел отказ с их стороны в деле возвращения диссидентам отнятых у них прав. Ему было выгодно, чтобы Россия была вынуждена вести войну с поляками, так как это могло ему доставить польскую Пруссию. Поэтому он пошел навстречу России и заключил с нею союз, в котором поставил непременно условием восстановление прав диссидентов, а вместе с тем и поддержание в Польше прежней формы правления.

Фридрих II стремился к разделу Польши; Панин же был против этого раздела. Императрица сначала предоставляла Панину полную самостоятельность в выборе средств для достижения поставленной ему цели и лишь с течением времени вводила необходимые поправки по мере того, как обстоятельства выясняли несостоятельность «политической системы» Панина.

¹ Было также предписано послам покончить курляндские дела согласно с видами России и т.д.

V. 1-я Польская (конфедератская) война 1768 — 1772 гг. Участие в ней Суворова.

[26] Намеченная программа приводилась в исполнение с замечательной энергией.

В 1764 г. было введено в Польшу 25 — 26.000 русских войск, а для поддержки их держалось наготове еще до 18.000 чел. Правительственные польские и литовские войска не превышали 10 — 11,000 чел. и были разбросаны по всей Польше, а между магнатами и войсковыми начальниками происходили раздоры. Противники Чарторыйских могли располагать лишь частью этой «армии», а с войсками магнатов своей партии 12 — 15.000 чел. В том или другом важном пункте они могли сосредоточить 4.000 — 6.000 чел. Боевая подготовка этих войск не могла быть даже и сравниваема с боевой подготовкой русской армии.

При таких условиях, наши войска быстро разбили и разогнали противников Чарторыйских и, благодаря их воздействию, был посажен на польский престол Понятовский под именем *Станислава-Августа* (1764 — 1795).

В то же время, однако, Чарторыйские, под покровительством русских штыков, провели важные реформы: поколеблен был принцип единогласия; установлена действительная правительственная власть в виде Финансовой и военной комиссий и т. д.

Новый король желал дополнить и осуществить реформу, начатую Чарторыйскими. России он подчинялся, так как был убежден, что только при ее помощи [27] можно спасти Польшу от гибели. Но он не обладал необходимыми в его положении силою воли, инициативой и устойчивостью.

Между тем Россия, поддерживаемая протестантскими державами, начала требовать возвращения прав диссидентам; поляки же считали исполнение этого требования гибельным для своего отечества и ответили отказом. При этом выяснилось, что не только Чарторыйские, но и король вовсе не были склонны к действиям согласным с видами России. Тогда было решено образовать новую «русскую» партию из противников Чарторыйских и подготовить целую систему конфедераций, а при их помощи и новый сейм, который должен был исполнить требования Петербургского кабинета.

С этою целью были вновь введены в Польшу недавно выведенные из нее русские войска, которые, разделившись на отряды, заняли территорию Речи Посполитой и, в начале 1767 года, в своих районах дали возможность образоваться конфедерациям, как православно-протестантским, так и католическим. Конфедератско-католики (противники короля и Чарторыйских) надеялись, что Россия поможет им низложить короля и свести счеты с Чарторыйскими, а Репнин надеялся, что ему удастся направить всю эту шляхетскую массу согласно с велениями из Петербурга. Ошиблись обе стороны.

Все эти конфедерации соединились в одну и в Варшаве пред королем предстал «skonфедерованный шляхетский народ», добивавшийся «восстановления своих нарушенных прав» и т. п. Король уразумел [28] свою слабость и приступил к конфедерации на «чрезвычайном сейме» 5-го октября. Но и этот сейм, под влиянием господствовавшего в Польше религиозного фанатизма, не соглашался возвратить права диссидентам. Тогда князь Репнин, при помощи русского отряда, арестовал 4-х наиболее ярых врагов диссидентов, епископов *Солтыка* и *Залуского*, воеводу Вацлава *Ржевуского* и сына его, сеймового посла Северина *Ржевуского* и отправил их под конвоем в Калугу. Оппозиция присмирела. Польское представительство было вынуждено признать права диссидентов, которые, по особому договору, были гарантированы Россиею, равно как и все устройство Речи Посполитой, т. е. Польша как бы признала над собою протекторат России.

То, чего требовала Россия, могло принести Польше лишь пользу. Но поляков возмущал тот факт, что действительным правителем Польши оказывался русский посол; они не могли примириться с потерей независимости. Вскоре чуть ли не вся шляхетская (католическая) Польша была охвачена негодованием. Снова начали составляться конфедерации, но уже прямо враждебные России. Все они стали под знамя образовавшейся в Подолии конфедерации *Барской* и начали военные действия против русских войск. Разгорелась партизанская война. Во главе конфедератов стало революционное правительство, которому Австрия разрешила находиться в Эпериеше (Пряшеве). В это же время вспыхнуло в Украине восстание малорусского народа против поляков, которое еще более усложнило положение дел. Между тем враги России [29] усилили свои интриги в Константинополе и побуждали Турцию к войне с Россиею. Турция заключила союз с конфедератами и объявила России войну в 1769 году. Новые союзники хотели совершенно освободить Польшу от влияния России, ослабив последнюю, за что Турция должна была получить приличное вознаграждение.

Таким образом с первою Польскою совпала *1-я Турецкая война* Императрицы Екатерины II. При этом главная масса наших сил действовала на главном театре против турок, а в Польшу приходилось направлять возможно меньше войск.

При первоначальном развертывании против турок назначали в I и II армии и особый резерв, всего до 137,000, а в Польшу особый «польско-литовский корпус», до 17,500 чел. Командиру этого корпуса генерал-

поручику Веймарну было предписано находиться в распоряжении посла князя Репнина. Репнин решил, что действия корпуса Веймарна, должны сообразоваться с операциями I армии против турок. Ближайшей целью было поставлено: не допустить конфедератов к нападению на *фланг* и *тыл* I армии; сверх того нужно было стараться подавить возможно скорее конфедерацию. Затем Репнин с Веймарном решили; а) собрать главную массу войск в Польше, оставляя возможно меньше в Литве, а связь между ними поддерживать через Вильну и Гродну; б) главные силы иметь в Варшаве, а остальными занять важнейшие пункты так, чтобы можно было быстро сосредоточить все силы или к юго-востоку, для поддержки I армии, или к Варшаве (в случае, если бы [30] конфедераты старались захватить столицу и короля, которого они намеревались низложить).

Дальнейшие распоряжения Веймарна, в развитие указанного плана, сводились: а) к разделению Польши на участки, с назначением на каждый из них войск сообразно с его значением; б) к сохранению на каждом участке возможно сильнейшего *участкового резерва*, который должен был действовать против польских партизанов их же способом, подвижными колоннами и нечаянными нападениями и в) к сохранению в руках командира корпуса *общего резерва*, специально организованного для соответствующих действий на всем пространстве Польши.

Разделение театра военных действий на участки установилось окончательно в 1770 году. Особенно важное значение имел *Люблинский* участок, являвшийся как бы центром, из которого следовало быть готовым: а) к постоянному наблюдению за формировавшимися в Австрии польскими партизанскими отрядами, которые могли броситься к Варшаве, или в тыл I армии и б) к воспрепятствованию и литовским партизанам действовать в соответствующих направлениях.

Исполнение плана Репнина и распоряжений Веймарна обеспечивало фланг и тыл I армии до тех пор, пока она не продвинулась вперед в Молдавию, а тогда главнокомандующий I армией граф Румянцев занял линию р. Днестра отрядом генерала *Глебова* и Подолию, Волынь и Червонную Русь «тыловым польским корпусом» генерала *Эссена* (позже генерала *Кречетникова*) всего до 13,000 чел. Эссен Веймарну [31] не подчинился, не поддерживал с ним связь и действовал в духе тех же основных идей, которые были отмечены в плане Репнина и в распоряжениях Веймарна.

В 1769 году бригадир *Суворов* командовал пехотой в отряде генерал-поручика *Нуммерса* (6 — 7,000 чел.), назначенном для обороны Литвы. К концу июня отряд этот сосредоточился у Орши. 8-го июля Суворов с авангардом (1,500 чел.) пошел к Минску и занял его 29-го. Затем Нуммерс спешно направляет его к Варшаве. Суворов выступил 30-го и пошел не по маршруту, но через Столбцы и Брест, чем выяснил важное значение Бреста и путей из Литвы на Волынь и открыл направление важное в развитии партизанских действий, упущенное из вида Веймарном. 22-го августа Суворов прибыл в Прагу, пройдя более 550 верст в 24 — 25 переходов (22 — 23 версты в сутки по дурным дорогам). До конца августа, исполняя приказание Веймарна, он сделал ряд поисков; 29-го августа он снова появился в Бресте, для восстановления связи с Нуммерсом, 2-го сентября разбил конфедератов у *Орехова*, а 18-го сентября занял Люблинский участок. Здесь, в 1770 году, он располагал 7 ротами, егерскою командою, 9½ эскадронами и сотнями и 8 орудиями (2,200 — 2,500 чел.).

Суворов организовал оборону своего участка подобно тому, как «паук растягивает паутину». Избрав своею «капиталью» (базою) Люблин, Суворов воспользовался естественными преградами участка для прикрепления к ним «охранительных нитей», проведенных [32] из Люблина, а также и для обеспечения переправ, имея в виду действовать активно посредством набегов. Охранительные посты были выдвинуты к Сандомиру, Пулавам и Козенцам, к Коцку и Красноставу, к Фрамполю и Краснику (на 50 — 80 вер. вперед), а наблюдательные посты в направлениях к Бресту, Пинску и Сокалу (еще на 50 — 80 верст вперед). Постоянное наблюдение производилось лишь в важнейших направлениях: для связи с Нуммерсом и с Эссеном. В резерве оставалось не более 1,000 чел. Увеличить наряд было невозможно, но это вознаграждалось боевою готовностью отряда к укреплениям постов. Главною задачею постов было производство разведок. Суворов дал следующее указание: «шпионы дороговаты, командиры постов должны сами больше видеть без зрительной трубки». От младших начальников (хотя бы даже подпоручиков) требовалась инициатива. Суворов поощрял предприимчивость и разрешал атаковать даже в 5 раз большие силы, но «с разумом, искусством и под ответом». Сам он действовал образцово с своим участковым резервом и вообще исполнил свою задачу блистательно. Между тем враги России старались оживить дело конфедерации. Франция отправила к полякам опытного в партизанской войне Дюмуре и дала ему средства для устройства армии конфедератов. Дюмуре организовал их отряды за Карпатами, воспользовавшись кадрами, взятыми из Франции и из польских войск и на вербованными в Германии и Австрии, причем рассчитывал и на набор 25,000 чел. в ближайших к австрийской границе воеводствах, надеясь [33] довести силы конфедератов до 60,000 чел. Он намеревался, опираясь на Ланцкрану, взять Краков и обратить его в укрепленный лагерь, а затем занять прочно Ченстохов, Сандомир и Замостье. Партизанские отряды *Зарембы*, *Пулавского* и *Сава* (до 15,000) должны были развлечь внимание русских: Заремба, и Сава, привлекая их к Варшаве, а Пулавский, бросившись на сообщения с I армией; сам же Дюмуре, с главными силами (25 — 30,000) предполагал действовать по обстоятельствам, против Варшавы или

против тыла I армии; сверх того гетман *Огинский* с литовскими партизанами (до 16,000) должен был направиться к Варшаве, или же произвести вторжение в Россию.

План этот не был дурен, но Дюмурье не знал поляков и свойств их войск: неспособности дисциплинироваться, раздоров между начальниками, которые не хотели никому подчиняться и т. п., а что всего важнее, конфедераты встретили неодолимого противника в немногочисленных, но крепких духом русских войсках, предводимых многими смелыми и решительными, а нередко искусными и талантливыми начальниками, в ряду которых первое место занимал А. В. Суворов.

При таких условиях конфедератам трудно было рассчитывать на успех. Тем не менее, употребив 1770 год на подготовку, они начали решительные действия в 1771 году, к чему их ободрила неудача *Древица*, начальника резерва польско-литовского корпуса, в его попытке овладеть Ченстоховом. Они наводнили окрестности Кракова и начали показываться [34] даже около Львова. Суворов, понимая важное значение Кракова, в феврале произвел *первый набег* в этом направлении (к Ланцкране), но в это время Заремба, Пулавский и Сава начали угрожать его сообщениям. Тогда Суворов быстро возвратился на свой участок через Красник, опрокинул части отрядов Пулавского и других вождей, освободил западный фронт участка, а затем разбил Саву и других польских предводителей и восстановил порядок по верхнему течению Зап. Буга.

Конфедераты, воспользовавшись удалением Суворова, 18-го апреля взяли город Краков. Дюмурье приступил к образованию опорных пунктов: Ланц-кроны, Освещима, Тынца, Вадовиц, Боброва и Кременецкой горы; Пулавский же начал укреплять Бохню и Величку.

Веймарн сильно встревожился успехами Дюмурье, направил против него *Древица* и пытался издала руководить и действиями Суворова. Но Суворов, принимая к руководству лишь основную идею Веймарна, отстранял вмешательство его в сферу собственно своей деятельности, что повело к недоразумениям между ними. Тем не менее Суворов снова пошел к Кракову (по левому берегу Вислы), на пути принял *Древица* «в свои твердые руки», сосредоточил 3,000 чел. и, убедившись в трудности овладения Тынцем, пошел к *Ланцкром*, где 10-го мая разбил ядро зарождавшихся главных сил Дюмурье (до 4,000 чел.). Дело было выиграно в полчаса «благодаря хитрых маневров французскою запутанностью и потому что польские войска не разумели своего предводителя». [35] После этой победы Суворов был снова отвлечен от Кракова искусными действиями Пулавского на его сообщения: Суворов полагал, что Пулавский идет к Варшаве, а потому 12-го мая двинулся наперерез к Раве. Узнав об этом, Пулавский пошел к Замостью, но его в крепость не впустили. Суворов нагнал его и разбил, 22-го мая под Замостью, после чего Пулавский попал в «охранительные сети» Люблинского участка, тщетно пытался прорваться в Литву и должен был вернуться в Малую Польшу.

Замечательна при этом поддержка, оказанная Суворову ближайшими частями «тылового корпуса» Кречетникова, а равно и связь между ними.

После разгрома Пулавского центр тяжести операций переместился в Литву. 23-го июля Веймарн предупредил Суворова о ненадежности гетмана *Огинского*, который собрал до 4,000 собственных, магнатских и правительственных войск и к которому начали теперь стремиться с разных сторон конфедератские партии. В конце августа он снял маску, 30-го разбил у Рудки колонну *Албычева* и пошел к Несвижу. Тогда Веймарн составил план, по которому Суворов (с 2,500 чел.) должен был прикрывать сосредоточенными силами Люблин, а *Древицу* (с 3,000 чел.) предоставлялась главная роль. Но Суворов, узнав о поражении *Албычева*, тотчас же решил разбить *Огинского*, для чего (не трогая своего охранения и пр.) пошел к Бяле, где 5-го сентября узнал о плане Веймарна. Не отказываясь от своего намерения, он пошел к Бресту и оттуда донес [36] Веймарну: «о стремлении *Огинского* к Варшаве и к стороне Люблина не слышно. Я буду стараться, не пропуская его, гетмана, в те места, с помощью Божию упреждая все его намерения и покушения уничтожить». 12-го он был уже в окрестностях Несвижа, притянул на пути все, что было возможно найти и, узнав, что *Огинский* находился у *Столовичей*, сделал демонстрацию к Несвижу, а сам, ночью с 12-го на 13-е сентября, свернул на *Столовичи*. Здесь, не имея и 1,000 чел., он на рассвете атаковал *Огинского* и, после упорного боя, около 11 часов дня одержал полную победу. *Огинский* бежал за границу, потеряв на поле сражения до 1,000 чел., а остальные его войска рассеялись.

Таким образом Суворов одним ударом лишил конфедератов последнего из их боевых устоев, а затем возвратился на свой участок. Веймарн был недоволен, но он был неправ, так как Суворов действовал в духе требований обстановки.

Между тем отряды из «тылового польского корпуса» генерала Кречетникова соединились с оставшеюся верною королю польскою конницею *Браницкого* и выгнали конфедератов из всей почти юго-западной части Польши (кроме укрепленных пунктов). В этом же году на место Дюмурье был прислан генерал *Виомениль*, который хотя и нашел конфедератов крайне расстроеными, недисциплинированными, дурно вооруженными, голодными и т. п., все же старался восстановить в их войсках порядок и поднять их дух, чтобы возобновить наступление. [37]

В ночь с 21-го на 22-е января 1772 года, благодаря беспечности Краковского коменданта («обремененного ксендзами и бабами»), конфедераты произвели нечаянное нападение и овладели Краковским замком. Тотчас же сюда устремились с разных сторон русские отряды и польская конница Браницкого; 24-го прибыл сам Суворов и началось обложение замка. Штурм 18-го февраля выяснил невозможность скорого овладения замком без надлежащих осадных средств. Суворов продолжал блокаду. Гарнизон (43 офицера и 739 нижних чинов), начав голодать, 15-го апреля сдался на капитуляцию. Этим был нанесен конфедератам окончательный удар. Вскоре они вовсе отказались от сопротивления и смирились пред Россией.

В 1-ю польскую войну 1768 — 1772 г.г., прикрытие сообщений главной армии, действовавшей против турок, и ведение операций против конфедератов лежали на 25.000 наших войск, корпусов польско-литовского и тылового, но наибольшая часть этого бремени легла на корпус генерал-поручика Веймарна (позже генерал-поручика Бибикова), уменьшившийся до 13 — 14.000 чел.; в этом же корпусе на первое место выдвинулся *генерал-майор Суворов*, заслонивший собою всех, даже своего начальника. В эту войну он дал целый ряд замечательных образцов в области военного искусства, а в их числе классические образцы: а) организации *обороны участка* против партизанских набегов, б) производства набегов и вообще действий *участкового резерва*, в) ведения *боя* против такого противника, как конфедераты и т. д. [38]

Успехами в 1-ю польскую войну Россия более всех обязана *Суворову*, который нанес конфедератам смертельные удары, расшатал самые надежные их устои (Ланцкрона, Столовичи, Краков) и более всех способствовал прекращению ими военных действий, а вместе с тем более всех способствовал возвращению части захваченных поляками русских земель, не говоря уже об обеспечении тыла армии, действовавшей против турок.

Армия эта, с своей стороны, одержала блестящие успехи (Ларга, Кагул и т. д.), но, тем не менее турки не соглашались дать России соответствующее вознаграждение, а Австрия боялась усиления России и помышляла о занятии Молдавии и Валахии. Это благоприятствовало достижению вышеуказанной цели, которую поставил себе Фридрих Великий. Теперь он предложил Императрице «проявить умеренность» по отношению к Турции и получить вознаграждение на счет Польши, но за то допустить и отторжение от нее, в пользу Пруссии и Австрии, ближайших к их границам польских земель, на которые эти державы заявляли притязания более или менее сомнительного достоинства. Императрица, убедившись отчасти в неудовлетворительности «политической системы» Панина, сочла себя вынужденною согласиться с предложениями Фридриха. Это и привело к соглашению России и Пруссии с Австриею и к *первому разделу Польши* (1772 — 1773 г.г.), по которому Австрия получила нынешнюю Галицию (1509 кв. м. и 2.100,000 населения), Пруссия — западную Пруссию без Торуня и Гданска (660 кв. м. и 600,000 населения), а Россия [39] Белоруссию без нынешней Минской губернии (1693 кв. м. и 1.200,000 населения).

Эти результаты войны, конечно, не соответствовали потраченным Россией крови и средствам, но важен был первый шаг в смысле приближения России к программе Иоанна III.

Польское представительство утвердило, в 1773 г., отдельный договор и выработало проект необходимых улучшений в государственном устройстве Речи Посполитой. По принятии этого проекта сеймом он был гарантирован Россией. Русские войска были вновь выведены из Польши, которою Россия руководила лишь в области политики, не вмешиваясь во все то, что могло иметь влияние на улучшение благосостояния, народного быта и т. п. Благодаря такому отношению России, Польша начала поправляться. Период мира после первого раздела был одним из лучших в истории Польши. Это признают сами поляки. И кто же дал Польше возможность достичь этих (прежде немислимых) успехов, как не Россия? А между тем ненависть поляков к России не ослабевала и даже усиливалась. Это объясняется главным образом желанием поляков восстановить свою независимость, а отчасти интригами врагов России. То и другое привело к новым осложнениям и ко второй польской войне.

VI. 2-я польская война Императрицы Екатерины II 1792 года.

[40] После первой турецкой войны, окончившейся Кучук-Кайнарджийским миром 1774 г. и приведшей, между прочим, к освобождению татар из-под власти Турции, первое место в ряду советников Императрицы занял Г. А. *Потемкин*, человек талантливый, но склонный к составлению грандиозных проектов, основанных скорее на порывах воображения, чем на строгом изучении фактов. Таков был известный «греческий проект»,

сводившийся к изгнанию турок из Европы, к восстановлению греческой империи и т. п. Проект этот не был согласован ни с этнографическим составом населения Балканского полуострова, ни с действительными интересами России. Став на этот путь, Россия сблизилась с Англией и Австрией и этому не мог помешать граф Панин. Между тем, благодаря проведению в жизнь программы Потемкина, Россия получила Крым и земли по Кубани, но эта же политика привела ее ко *2-й турецкой войне 1787 — 1791 г.*, а между тем, в 1788 г., и Швеция объявила России войну.

Пользуясь затруднительным положением России, польские патриоты приобрели большинство на знаменитом «4-летнем сейме», увлекли за собою короля и 3-го мая 1791 года произвели государственный переворот, причем ввели новую «конституцию», по которой право срывать сеймы, единогласие, конфедерации и т. п. отменялись, а королевская власть усиливалась. Вместе с тем Польша уничтожила свою зависимость [41] от России, решила довести армию до 100,000 чел. и заключила союз с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II. Мало того, польское правительство потребовало удаления из юго-восточных областей Польши русских войск и магазинов. Императрица исполнила это требование и сохраняла пока мир с Польшею, но повелела Потемкину, поставившему Россию в столь критическое положение, окончить войну с Турцией возможно скорее.

Из этого трудного положения Россия вышла главным образом благодаря храбрости русского солдата, доблести русского офицера и гению Суворова, которого целый ряд подвигов в эту войну, заверченный чуть ли не сказочным штурмом Измаила, покрыл колоссальною славою. 2-я турецкая война окончилась в декабре 1791 года Яским миром, по которому Россия приобрела только Очаков и степи между Бугом и Днестром, но зато получила возможность свести счеты с Польшею.

Императрица приняла под свое покровительство *Тарговицкую конфедерацию*, образованную поляками, недовольными введением конституции 3-го мая. *2-я польская война* началась в мае 1792 года. Наши армии, Украинская, генерала *Каховского* (64,000) и Литовская, генерала *Кречетникова* (32,000), всего до 100,000 чел., вступили в Польшу, разбили польские корпуса князя, Иосифа *Понятовского* и принца *Виртембергского* (до 40,000 чел.) и оттеснили их за линию Западного Буга. 13/24 июня король приступил к Тарговицкой конфедерации, которая уничтожила конституцию 3-го мая и восстановила прежний порядок вещей. [42]

Польша снова смирилась пред Россией, с которою вступила тотчас же в соглашение Пруссия, бросившая свою союзницу на произвол судьбы. Это привело ко *2-му разделу Польши*, по которому Пруссия получила Гданск, Торунь и большую часть Великой Польши (1,016 кв. миль и 1.500,000 населения), а Россия нынешнюю Киевскую, большую часть Минской и, Волынской и Подольскую губернии (4,000 кв. м. и 3.000,000 населения).

Второй раздел был утвержден в «немом заседании» Гродненского сейма 1793 года, который постановил также уменьшить численность польской армии с 54,000 — 55,000 до 15,449 чел. Для поддержания этого порядка вещей было оставлено в Польше и Литве 17 — 18,000 русских войск, под начальством генерала *Игельстрома*, назначенного вместе с тем и представителем России в Варшаве, т. е. фактическим распорядителем дел в оставшейся еще Польше.

Является вопрос, почему главнокомандующим в эту войну не был назначен Суворов? Конечно, наиболее заметною причиною этого была его ссора с Потемкиным, который перед смертью успел ему повредить; но затем у него было еще много других врагов, которые, общими силами, убедили кого следовало, в том, что «польские дела графа Суворова не требуют». Мало того сам Суворов находился в это время в положении полуопального, исполняя неважные поручения в роде «церемонии с 12 батальонами» в Финляндии, а затем в Херсоне.

VII. 3-я польская война Императрицы Екатерины II 1794 года. Участие в ней Суворова.

[43] События выяснили вскоре необходимость окончательного решения польского вопроса. Поляки готовились к возобновлению борьбы, с целью возвращения всего потерянного при 1-м и 2-м разделах. Сигнал к восстанию 1794 года был дан войсками, из коих нужно было распустить по домам не менее 20,000 чел., не считая других 18 — 20,000 чел., которые остались в России и должны были быть включены в состав русских войск или обезоружены. Войска, подлежавшие этой «редукции», не захотели подчиниться постановлению сейма

и восстали, начиная с бригады генерала *Мадалинского* (2 — 3,000 чел.).

Мадалинский из Остроленки перешел на левый берег Вислы и пошел к Кракову; его преследовал русский отряд генерала *Денисова* (7,000 чел.), выславший вперед авангард генерала *Тормасова* (до 2,000 чел.).

Между тем в Кракове также вспыхнуло восстание, во главе которого стал талантливый генерал *Костюшко*, облеченный диктаторскою властью и старавшийся привлечь к восстанию народные массы. Он поддержал Мадалинского и 24 марта (4 апреля) разбил Тормасова при *Рацлавицах*. Этот успех имел огромное значение, подняв дух поляков. Восстание начало быстро распространяться. 6/17 апреля в Варшаве польские войска и мещане произвели резню, напав внезапно на русских, которые, потеряв 4,000 чел., отступили к Карчеву и Закрочиму. Позже Игельстром собрал до 7,000 чел. в Ловиче. В ночь с 11/22 [44] на 12/23 апреля восстание вспыхнуло в Вильне. Русские отряды в Вильне и Гродне отступили к границе. Восстание грозило перейти и за пределы России.

В Петербурге узнали о Варшавской резне 20-го апреля. Высший совет, направляемый графом Н. И. Салтыковым, решил: а) главную целью поставить обеспечение западной границы, близ которой и сосредоточить войска; б) главное начальство на театре военных действий против поляков поручить князю *Репнину*, которому находится в Риге; в) главное начальство на юге поручить графу *Румянцеву*, которому оборонять юго-западный край против поляков и быть готовым на случай новой войны с Турциею.

Для действий против поляков назначались: а) 23 — 25,000 князя *Репнина*, сосредоточивавшихся на линии Рига-Дрисса-Пинск; б) 19,000 генерала *Дерфельдена*, направлявшихся из юго-западного края к Владимир-Волынку; в) 12 — 13,000 *Игельстрома*, смененного позже генералом *Ферзеном*, на левом берегу Вислы; г) 10,000 союзных прусских войск генерала *Фаврата*, находившихся близ Петрокова; всего 64 — 67,000 чел. Позже прибыло еще 25,000 пруссаков.

Поляки, в начале кампании, выставили: а) на верхней Висле 24,000 *Костюшки*; б) между Вислою и Бугом 16,000 (по некоторым источникам 20,000) генерала *Зайончека*; в) в Варшаве 9,000 — 10,000 генерала *Мокроновского*; г) в Вильне 9,000; д) в Гродне 6 — 7000; ж) в Жмудской земле и у Ковны до 7,000; всего несколько более 70,000 чел. Затем, в течение войны, организация вооруженных сил продолжалась; всего было выставлено до 95,000 регулярных (вернее [45] правильно организованных) войск и до 57,000 городских милиций и крестьянского ополчения.

Костюшко начал теснить Денисова, который отошел к *Щекоцинам* и соединился там с пруссаками. К этому корпусу, усилившемуся до 23,500 чел., прибыл прусский король. 26-го мая союзники разбили здесь Костюшку, располагавшего 15,000 — 26,000 чел., а 28-го мая Дерфельден разбил Зайончека близ Холма и пошел через Люблин к Висле. Тогда Костюшко совершил смелый фланговый марш через Кельце, Радом и Варки и прибыл к Варшаве, где в то время возмущалась чернь. Он восстановил в столице порядок, принял меры к ее укреплению, поручил оборону ее гарнизону и вооруженным жителям (до 16,000), а остальные войска (около 20,000) предназначил для активных действий.

13 июля прусский король с 35,000 и Ферзен с 12,000 обложили Варшаву с левого берега Вислы, но это обложение не привело к желаемому результату, а между тем вспыхнуло восстание в прусской Польше. Это, в связи с действиями польских партизанов против тыла пруссаков, вынудило короля Фридриха-Вильгельма II снять, в конце августа, осаду и отойти к своим границам.

В это время Россия, Пруссия и Австрия решили уже произвести окончательный раздел Польши. Австрийцы, не открывая военных действий, заняли южные воеводства.

Ферзен, спустя некоторое время, считая австрийцев союзниками и полагая, что кампания этого года окончена, [46] пошел по левому берегу Вислы, чтобы переправиться в верхнем ее течении, а затем уже следовать на присоединение к Репнину.

Репнин, которому было разрешено находиться в Несвиже, в начале августа также пошел вперед. Тогда литовские партизаны захватили Поланген, Либаву, Динабург, и чуть ли не угрожали Пскову. Репнину пришлось обратить свое внимание назад. При таких условиях, и Репнин считал, что кампания окончена, а потому, притянув Дерфельдена, начал помышлять о зимних квартирах.

В общем, в первый период кампании, должно отметить бессвязность действий и отсутствие энергии с нашей стороны, как следствие предвзятого отношения к делу, приводившего к стремлению отвести наши войска из Польши к границе, сосредоточиться и уже после того начать операции, что способствовало распространению восстания и быстрому росту сил поляков. «Война ничего не значащая» становилась «прехитрою и предерзкою», это понимал уже и главный руководитель операций, граф Салтыков. Чувствовалась необходимость послать в Польшу того, кто сумеет быстро покончить с поляками.

Между тем за ходом дел в Польше внимательно следили: Румянцев и состоявший под его начальством *Суворов*, который имел главную квартиру в Немирове и занимался обезоружением польских войск, оставшихся в юго-западном крае. Он окончил это обезоружение 1-го августа, а 7-го августа Румянцев предписал ему: «сделать сильный отворот сему дерзкому неприятелю и так скоро как возможно... [47] Ваше имя одно в

предварительное обещание о вашем походе подействует в духе неприятеля и тамошних обывателей, нежели многие тысячи».

Это распоряжение Румянцева совпало с предположениями центральной власти, которая только сузила задачу Суворова, ограничив ее занятием Бреста и устройством (там же) магазинов. Однако Суворов не находил возможным заниматься «магазин-вахтерством» и считал необходимым «прибавить (себе) войска, идти к Праге, где отрезать субсистенцию из Литвы в Варшаву», т. е. внести в операции то, чего им не доставало: энергию, смелость, решительность, наступление, стремление искать врага, бить его и неотступно преследовать до полного уничтожения, имея главным предметом действий сердце восстания, Варшаву.

Репнин был старше Суворова. Подчинившись ему и стоявшему за ним петербургскому «Совету», пришлось бы стать на зимние квартиры и готовиться к кампании следующего года, т. е. дать неприятелю возможность усилиться, а нас затруднить.

Ввиду этого Суворов признает себя зависимым только от Румянцева.

Имея в виду возможно скорее покончить с восстанием (на что, по его расчету, требовалось 40 дней), он выступает из Немирова 14-го августа с 4,500 чел. и 10 орудиями (оставив в Немирове, для обеспечения тыла, около 6,000 чел.), на пути усиливает свой отряд до 10 — 11,000 чел. с 16 орудиями и совершает свой знаменитый поход через Варковичи и Ковель к Бресту, куда и прибывает 8-го сентября, сделав 600 верст в 26 дней (т. е. двигаясь со скоростью [48] 23 верст в сутки по дурным дорогам) и дав при этом целый ряд образцовых решений различных вопросов, относящихся к области военного искусства. Скорость движения изменялась в зависимости от обстановки: 270 верст до Варковичей пройдено в 9-ть дней (30 верст в сутки, в 3 — 4 раза больше норм XVIII столетия и почти в 2 раза больше увеличенных Фридриховских норм); 125 верст от Варковичей до Ковеля пройдено в пять дней (25 верст в сутки, но здесь дороги были особенно плохи) и т. д. Дневки делались сравнительно редко, по мере крайней в них необходимости; так в Варковичах 23-го производилась починка обоза и печение хлеба и т. д. Начиная от Ковеля, увеличивалась вероятность встречи с неприятелем; Суворов принимает возможные меры к затруднению противнику сбора сведений о марше его отряда. Благодаря прекрасной организации марша-маневра и прочим известным данным, он наносит ряд поражений направленным для его задержания войскам генерала *Сераковского* (6 — 7,000 чел. при 30 — 36 орудиях, не считая ополчения): 3-го сентября у *Дивина* казаки Суворова почти целиком уничтожают около 300 всадников Кобринской конницы Рушица; 4-го Суворов бьет у *Кобрина* захваченный там врасплох передовой отряд Сераковского и овладевает его провиантским магазином (очень кстати); 6-го он бьет под Крупчицами самого Сераковского, занимавшего укрепленную позицию близ тамошнего монастыря; наконец 8-го, с 9,000 чел., он бьет под *Брестом* того же Сераковского, усилившегося подкреплениями до 12,000 чел. (в том [49] числе до 2/3 косиньеров и т. п.) и занимавшего сильную позицию за болотами, причем берет 28 орудий и 500 пленных. После боя под Брестом в «корпусе» Сераковского оставалось менее 2,300 чел. регулярных войск.

Эти победы Суворова, особенно последняя, произвели сильнейшее впечатление на поляков; дух войск их упал. Наоборот, вся Россия воспрянула духом.

Теперь наши войска занимали намеченную границу по линии р. 3. Буга. Вместе с тем Суворов стал на фланге литовско-польских отрядов, действовавших против Репнина, угрожал связи их с войсками Костюшки и облегчал отступление Ферзену.

Так быстро изменялась обстановка в нашу пользу благодаря Суворову. И свои, и враги почувствовали, что на театре военных действий появился виртуоз войны и что они призваны лишь играть те или другие второстепенные роли в том, что он разыграет.

Между тем Костюшко принимал еще возможные меры к реорганизации польской армии и к подъему в ней духа. Литовские войска были вверены Мокроновскому и составили две дивизии: Ясинского и Вавржецкого; последний командовал этою дивизиею «совместно с Гедройцем» (!). «Корпус» (называемый также и дивизиею) Сераковского был реорганизован и усилен подкреплениями. Вообще поляки готовились к упорному продолжению борьбы.

Суворов оставался в Бресте целый месяц, собирал провиант, устраивал магазины и вообще свою промежуточную базу, а равно и свою коммуникационную [50] линию и подготавливал успех предстоявшей операции во всех отношениях.

Намеченной им операционной линии Брест-Варшава угрожали: справа Вавржецкий с Гедройцем, а слева Сераковский и сам Костюшко.

Нужно было ее обеспечить. Суворов приказывает *Дерфельдену* (подчиненному Репнина) обеспечить его правый фланг движением на Белосток, *Репнина* просит выделить часть войск для обеспечения его тыла, а сам старается войти в связь с Ферзенем.

Успех его начинаний затруднялся *двоевластием*. Требования и просьбы его отклонялись, или исполнялись с задержками, или только отчасти. Пришлось потерять много времени на устранение этих затруднений. Но в это время в Петербурге настроение высших сфер начало уже изменяться в пользу Суворова,

благодаря которому явилась возможность рассчитывать на скорое окончание войны. Ему не симпатизировали, но ради пользы дела соглашались отдать на необходимое время власть в его руки. Репнину было рекомендовано отдать Суворову то, чего он требует. В это время Костюшко, опасаясь, чтобы Ферзен не соединился с Суворовым, решил этому воспрепятствовать и пошел вверх по правому берегу Вислы, чтобы отрезать Ферзена, двигавшегося по левому ее берегу; но Ферзен успел переправиться и 29-го сентября, с 12 — 13,000 чел., атаковал Костюшку, имевшего около 8,500 чел. и занявшего позицию при *Мацевевицах*. Поляки были разбиты наголову. Спаслось менее 1,000 чел. В числе пленных находился сам раненный Костюшко. Для Польши это был страшный удар! [51]

Теперь левый фланг Суворова был вполне обеспечен, да и на правом фланге Дерфельден, получив на то приказание Репнина, шел к Белостоку. 4-го октября Суворов узнал о Мацевевицком погроме. Он тотчас же приказал идти на присоединение к себе, как Ферзену, так и Дерфельдену. Ферзен исполнил это приказание без колебаний, но Дерфельден мог его не исполнить, так как получил от Репнина приказание расположиться на зимних квартирах. Но он был ориентирован относительно настроения петербургских властей находившимся в его корпусе графом В. А. Зубовым, который советовал идти к Суворову. Дерфельден так и поступил.

Таким образом все три корпуса, Ферзена, Суворова и Дерфельдена, всего около 30,000 чел. двинулись концентрически к Варшаве. Между тем польский «верховный народный совет» избрал заместителем Костюшки генерала *Вавржецкого*, человека военного чуть ли не только по названию. Хотя поляки и составляли еще наступательные планы, но помешать движению русских к Варшаве не могли.

Суворов оставил в Бресте отряд Дивова, выступил 7-го октября и пошел на Янов, угрожая пути отступления «литовской армии» (16,000) Мокроновского, двигавшейся к Праге и преследуемой Дерфельденом. 14-го Суворов соединился в Станиславове с Ферзеном, а 15-го почти целиком уничтожил в бою при *Кобылке* одну из колонн «литовской армии», которою командовал генерал *Бышевский*. Здесь, 19-го, к Суворову присоединился Дерфельден, но нужно [52] было еще довершить подготовку труднейшей операции, штурма укрепленной Праги, последнего оплота поляков, а потому Суворов оставался здесь еще до 22-го октября.

Поляки, в это время, располагали еще 40,000 чел., из которых часть действовала против пруссаков, другая была разбросана в виде второстепенных и мелких отрядов, а для обороны Праги было назначено 18,600 чел., не считая 6,000 мешан, не получивших надлежащей военной организации; в виду неспособности Вавржецкого начальство было вверено генералу *Зайончке*.

Суворов сосредоточил к *Праге* до 30,000 чел. с 86 орудиями и 24 октября взял ее штурмом после упорного и кровопролитного боя, в котором русские потеряли около 2,500 чел., а поляки до 23,000 чел. и 104 орудия. Этот штурм устранил поляков. Варшава сдалась Суворову. Польша окончательно смирилась пред Россией. Суворов положил конец ее сопротивлению.

До появления Суворова на театре военных действий операции велись слишком осторожно в то время, как обстановка требовала проявления крайней решительности. Операции направлялись из Петербурга, а главнокомандующий был лишен полной мочи. Отсюда следствия: безрезультатность действий наших войск (не говоря уже о пруссаках), а противнику дается время и возможность усиливаться в численном отношении, улучшать боевую подготовку своих войск и вообще лучше подготовиться к борьбе, которая угрожает затянуться до следующего года. [53]

Румянцев посылает на театр военных действий Суворова, правда, всего лишь с 10 — 11,000 чел. Суворов не желает допустить вновь потерю времени, не находит возможным подчиниться Репнину и признает себя зависимым только от Румянцева. Хотя это и приводит к двоевластию, но Суворов исправляет этот недостаток организации и захватывает в свои руки руководство операциями. В Петербурге его, наконец, оценивают и позволяют ему это сделать.

Суворов снова дает целый ряд первостепенных образцов в области военного искусства: образцовое изучение и понимание обстановки, замечательную основную идею операции (по цели и по направлению); образцовую подготовку, как до начала марша — маневра, так и во время операции; удивительную энергию в исполнении намеченного плана, необыкновенную (но для Суворова обычную) быстроту маршей, постоянную внезапность нападения и настойчивую атаку врага при каждой встрече. Рядом с этим должно отметить своевременные заботы об обеспечении операционной линии, об устройстве базы, об устройстве и обеспечении сообщений и о снабжении войск строго необходимыми предметами довольствия. Нельзя не признать у Суворова в эту кампанию замечательное сочетание решительности с осторожностью.

Суворов переливает свою энергию и в войска, с частными начальниками во главе. Успех за успехом еще более поднимает их духовные силы. Невозможного для них нет ничего, а враг падает духом, расшатывается нравственно и постепенно готовится к окончательному поражению. Прежде, до [54] прибытия Суворова, противник все усиливался, расширял сферу своих действий, а его партизаны доходили до 3. Двины; теперь размеры театра военных действий все уменьшаются, против Суворова бессильны и партизаны; он еще в первую

польскую войну показал, как следует вести войну против партизанов, на этом же театре; теперь он делает тоже, конечно, не по форме, но по духу; последовательно противодействуя предприятиям противника, он лишает его партизанов опорных пунктов, наносит решительные удары важнейшим его отрядам, кои служили ядром восстания в соответствующих округах, и оканчивает кампанию в определенный им же срок (вычитая, конечно, время пребывания в Бресте).

Отлично зная превосходство русских войск над противником и слабые стороны этого противника, Суворов, тем не менее, им не пренебрегает и постоянно старается сосредоточивать возможно большие силы, в видах подготовки успеха в бою, который он считает единственно решительным средством для завершения операции.

Целый ряд образцов тактического искусства, победоносных боев завершается штурмом Праги, окончательным разгромом противника, о котором сам Суворов говорил: «дело сие подобно измаильскому». Этот поход представляет как бы целый курс военного искусства, изложенный на практике великим мастером нашего дела, в котором органически и гармонически слились теория с практикою, наука с жизнью. Это неисчерпаемый запас классических решений самых разнообразных вопросов, относящихся [55] к военному искусству. Изучая его, нельзя не поражаться тем, как этот человек всегда и всюду проникал в самую сущность нашего дела.

Замечательно, что те самые приемы, которые до недавнего времени считались впервые примененными французами в эпоху революции, применялись раньше того у Суворова. Замечательно также, что войска, находившиеся под его начальством, все более и более закалялись в боях, а боевая их подготовка повышалась. Правда, это объясняется в значительной степени прекрасными качествами наших войск, но ведь у Суворова впоследствии и австрийские войска преобразались и действовали не так, как под начальством других полководцев. Очевидно, что это являлось следствием особых данных, присущих гению, Суворову. Положим, некоторые ученые не признают существования какого бы то ни было гения, но масса людей чувствует, что гений существует и идет за ним, когда он появляется, куда ему угодно. Так она и шла за Суворовым и признала его гением; нам же остается возможно больше его изучать, дабы возможно лучше уразуметь, в чем и почему он является гением.

К числу таких избранных смертных принадлежит наш *А. В. Суворов*. Как человек, он имел недостатки, но они существенного значения не имели, особенно сравнительно с его достоинствами, которые настолько велики, что трудно поддаются определению. [56]

Прежде всего это был настоящий православный русский человек, кость от кости и плоть от плоти своего народа, любивший его и им любимый. Будучи таким, он не мог не быть верноподданным и верным слугою Государя и России. То, что он иногда будировал, нисколько не уменьшает справедливости этого заключения. Поэтому он никогда не забывал их блага, никогда не ставил выше этого блага своего современного «я», как это делали некоторые весьма известные его современники.

Естественно, такой человек, один из лучших сынов тогдашней России, настоящий воин и полководец, не мог не сыграть выдающейся роли в борьбе России с Польшею.

Подобно тому, как в 1-ую польскую войну он главным образом и расшатал здание конфедерации, нанеся ей решительные удары и не давая ей возможности собраться с силами, и таким образом способствовал первому возвращению от Польши части русских земель, так и в 3-ю польскую войну он нанес полякам хотя и не все, но большую часть ударов, а что всего важнее, нанес им окончательный удар и способствовал последнему возвращению от Польши западно-русских земель.

Результатом 3-й польской войны, доведенной до конца Суворовым, явился *3-й раздел Польши 1795* года, по которому Россия получила не взятые ею еще остальные части Юго-Западного и Северо-западного края кроме Белостокского округа (2731 кв. м. и 1.900,000 населения, Пруссия — Белостокский округ и вообще земли к 3. и С.-З. от рр. Немана, 3. Буга [57] и Пилицы (680 кв. м. и 1.100,000 населения), а Австрия — остальные земли упраздненной Польши к югу от Пилицы и Западного Буга (1011 кв. м. и 1.300,000 населения). В тоже время и вассал Польши герцог Курляндский отказался от своего герцогства в пользу России. Речь Посполитая исчезла с политической карты Европы.

Сила обстоятельств исправила погрешности государственных людей, направлявших политику России в XVII и XVIII столетиях и выяснила несостоятельность политической системы, основанной на сохранении самой

Речи Посполитой с ее безобразным государственным устройством и на упрочении в ней влияния России. Поляки раньше нас пришли в общение с Западною Европою и в значительной степени усвоили себе ее цивилизацию; к тому же Польша соприкасалась непосредственно с такими государствами, как Австрия, Пруссия и Турция. Поэтому удержать ее постоянно под нашим влиянием мы не могли. А между тем наше вмешательство в польские дела, частое пребывание наших войск в пределах Речи Посполитой, стремление нашей дипломатии облагодетельствовать поляков вопреки их пониманию и желанию, по-видимому, в разрез с провозглашаемым нами дружельюбным к Польше отношением, применение таких приемов, какие практиковались например, князем Репниным (арест сенаторов и сеймового посла и вывоз их в Россию) и т. п., — все это раздражало поляков, которые, не додумываясь до [58] сущности дела, полагали, что Россия будто бы и является их главным, непримиримым и самым опасным врагом, который, к тому же, будто бы хитростью, коварством и т. п. качествами далеко превосходит других врагов и соседей Польши, хотя бы даже пруссаков.

Это было в высшей степени выгодно для немецких соседей бывшей Польши, особенно же для Пруссии.

В промежутки времени от окончания семилетней войны до 1795 года, Пруссия добилась цели, намеченной Фридрихом Великим — округления своих границ и увеличения своей территории на счет Польши; при этом она получила не только так называемую королевскую (польскую) Пруссию и часть коренных польских земель с столицею Польши Варшавою, но и некоторую часть земель литовских и даже русских.

Австрия получила значительную часть коренных польских земель и немалую часть русских земель с соляными копами Бохнии и Велички.

Таким образом Россия, не воспользовавшись в свое время удобными моментами для возвращения от Польши всех западнорусских земель, теперь была вынуждена дать трижды в пользу Пруссии и дважды в пользу Австрии богатый выкуп за право возвращения даже не всех «отчин» древне-русских князей. Часть этих «отчин» досталась немецким державам.

Императрица Екатерина II прекрасно понимала, что дело не было доведено до своего естественного конца, как это видно из следующих ее слов: «Владимир на Волыни мы теперь не взяли по причине. Но со [59] временем надобно выменять у императора Галицию, она ему нехстати».

Таким образом разделы Польши были весьма выгодны для Австрии и особенно для Пруссии; России же они хотя и доставили выгоды, но, говоря сравнительно, гораздо меньшие, чем ее соучастницам в разделах, по следующим соображениям: а) объединение Руси все таки не было окончено, при чем часть русского народа попала под владычество католической Австрии; б) в стратегическом отношении мы не приобрели выгодной пограничной черты, так как овладели лишь одним берегом Немана и З. Буга и не получили на них обеспеченных переправ; в) для России было бы выгоднее провести границу по Висле и Сану, получив на них обеспеченные переправы и примкнув фланги к Карпатам и к Балтийскому морю у низовьев Вислы (что и было возможно в последний период семилетней войны); г) наконец и в нравственном отношении на Россию главным образом и было взвалено чуть ли не все бремя ответственности за разделы Польши; отчего же бы и не нести это бремя, если бы Россия действительно получила выгоды, на которые она не имела права; но ведь такие выгоды получили другие державы, участвовавшие в разделах; Россия же взяла, за исключением сравнительно небольшой части (литовских земель), даже не все свое, да и то после длинного ряда удивительных усилий к сохранению той самой Польши, которая, в течение 4½ столетий, систематически упражнялась в братоубийстве на счет доверчиво ей отдававшихся частей великого русского народа. [60]

Между тем, с легкой руки поляков и различных других наших врагов, Россию и выставили в той именно роли, которую разыграла Пруссия. И это не удивительно, ибо от врагов нечего и ждать справедливости. Но удивительно то, что мы сами, воспитавшись на западно-европейский лад, по западно-европейским книжкам, держась западно-европейских учений, вообразили себя в этом случае виноватыми.

Не претендуем на то, чтобы вышеизложенный столь краткий очерк опроверг вполне подобные взгляды; но, быть может, он выясняет путь, идя по которому, можно уразуметь всю беспочвенность подобного самообвинения.

; Если, таким образом, несправедливы все обвинения, взводившиеся на Россию, то они несправедливы и по отношению к одному из лучших сынов России, которого также чернили и не перестают чернить ее и его враги, т. е. к Суворову.

VIII. Заключительные выводы.

Вышеизложенное приводит к нижеследующим выводам:

А) Так называемая «Польша» представляла польско-литовско-русское государство, в котором русские составляли половину, а поляки менее половины населения; в этом государстве, являвшемся как бы союзом [61] отдельных земель, с крайне слабою связью, царила анархия и крайний беспорядок; это был больной человек, излечение коего было невозможно.

Б) В ряду других европейских держав Польша не пользовалась уважением; соседи же смотрели на нее, как на поприще, удобное для утверждения своего влияния и как на готовый источник для получения на ее счет территориальных приобретений и т. п.

В) Превратившись в авангард романо-германского мира, Польша отказалась от своего назначения, как славянская держава; отдав немцам своих западных родичей, она, в течение 4½ веков, систематически занималась братоубийственным умерщвлением русской народности и сама вызвала переход русских в наступление, который являлся тем более законным, что Польша преграждала России общение с Западом, т. е. лишала ее возможности двинуться вперед.

Г) Программа Иоанна III, сводившаяся к объединению всей Руси, вполне отвечала историческим задачам и интересам России. Уклонение от нее в XVII и XVIII столетиях может быть объяснено в значительной степени неблагоприятными для России условиями политической обстановки. После кончины Петра I обстановка эта начала быстро улучшаться в пользу России, что не вызвало однако своевременного усовершенствования программы, в смысле приближения ей к идеям Иоанна III. Это объясняется главным образом отчужденностью от русской национальной почвы культурного слоя русского общества, воспитанного на западно-европейский лад, а потому лишенного способности понимать действительные интересы России. [62]

Д) Советники Императрицы Екатерины II, за малыми исключениями, способствовали выработке программы действий, по отношению к Польше, не соответствовавшей ни действительному положению дел в этой стране, ни действительным интересам России. Под давлением обстоятельств пришлось изменить эту программу и выйти на путь, указанный Иоанном III. Честь введения этой поправки принадлежит главным образом самой Императрице, а часть проведения ее в жизнь русским войскам и главным образом Суворову, нанесшему Польше решительные удары в два наиболее критических исторических момента и, что особенно важно, окончательный удар в 1794 г.

Ж) Суворов, таким образом, явился наиболее крупным деятелем в ряду русских людей, работавших над объединением России, в духе получаемых свыше указаний. Поэтому и русские люди, преклоняясь с благоговением перед памятью в Бозе почивающих Державных Вождей и объединителей России, неминуемо сочтут долгом преклониться перед памятью величайшего из их сподвижников, Суворова.

Где бы ни был поставлен ему видимый памятник, да будет он воздвигнут! Но еще важнее, чтобы в сердцах наших был воздвигнут памятник нерукотворный великому русскому человеку, воину и полководцу, благодаря которому вновь соединилось то, что было разъединено и растерзано врагами России!

П. А. Гейсман».